

Polylogos. 2013-2021

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 2 Volume 3. 2019

Probability, reality and alternatives to the revolution in the interpretation of Vassily Maklakov, the Liberal and Statist

Veronika Sharova

Institute of Philosophy of RAS

Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation

Abstract

The article analyzes some aspects of the views of a lawyer, politician and thinker V.A. Maklakov on the nature and background of the revolution in Russia. It is suggested that Maklakov's theory of the revolution can be investigated from the angle of historical alternative studies, a direction that presupposes working with alternative scenarios of history, "not happened" but fundamentally important for the history of ideas and political subjects. The emphasis is made on the organic synthesis of liberal and statist principles in Maklakov's socio-political philosophy. Such an aspect of his theory as reflections on the role of national holidays in the development of a common civic identity, is also noted. The latter is of particular interest in the context of modern studies of historical memory and commemoration practices.

Keywords list (en): history of Russia, philosophy of history, revolution, V.A. Maklakov, liberalism, Russian liberalism, historical alternativeistics

Date of publication: 27.09.2019

Acknowledgment:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31314 «Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор национального политического сознания»

Citation link:

1 Революция 1917 года, без малейшего преувеличения, стала одной из важнейших, поистине судьбоносных, поворотных точек в истории России. Неудивительна та горячность, с которой события более чем вековой давности по сей день обсуждают историки, философы, иные мыслители. При этом – даже с учетом обширнейшей уже, на сегодняшний день, фактологии, которой располагают не только специалисты, но и просто неравнодушные к истории – вопросы о подоплеке революции, ее идейном, политическом, культурном фундаменте остаются открытыми. В самом общем, но, в целом, непротиворечивом виде эти вопросы можно объединить следующим образом: была ли революция 1917 года неизбежной? И если нет – что произошло бы вместо нее? Таким образом, мы вступаем на территорию столь же заманчивую, сколь и таинственную – terra incognita альтернативной истории.

2 Сам концепт революции, без привязки к собственно событию, неоднократно осмыслен в отечественной традиции исторической и общественно-политической мысли. «Революция я говорю о настоящей, а не о последней (1830) со всею своей обстановкой от величественной *introduzione* до героической симфонии, оканчивающейся стоном под Ватерлоо, включает собою романтическую часть истории гражданских обществ в Европе»¹, заметил в свое время А.И.Герцен, путешествуя по Франции и Италии и следя события «Весны народов» революционного, скорее, по духу, но не по последствиям, подъема европейских национализмов. По мысли правоведа, философа Б.Н. Чичерина, анализировавшего последствия единственной на тот момент (1880-е гг.) подлинно «великой» революции, то есть Французской, невозможно согласиться и с тем, что революция является «простым заблуждением человеческого ума... одностороннее развитие разнообразных жизненных элементов лежит в самом существе человеческого духа, что этим только путем проявляется вся полнота его содержания. Французская революция была событием мировым, и результаты ее не пропали. Великое ее значение в истории заключается в том, что она вдвинула начала свободы и равенства в общеевропейскую жизнь и сделала их центром, около которого стало вращаться развитие европейских обществ. Отныне лозунгом партии стали: революция и противодействие революции. Несмотря на последовавшую реакцию, для либеральных начал было завоевано место, из которого невозможно было их вытеснить»².

3 Свобода, подчеркивал Чичерин, составляет «один из существенных элементов человеческого развития, но отнюдь не единственный и даже не высший. Поэтому временное ее торжество должно было кончиться ее падением; последовательное движение мыслей и событий довело революцию до самоотрицания. Совершив свое дело, изложив все свое содержание, одностороннее развитие должно было уступить место другому направлению, основанному на сочетании противоположных начал»³...

4 Для русских либералов первых десятилетий XX века революция стала не просто концепцией или историей, но реальностью, вызвавшей напряженные размышления всех – и более левых, и центристов, и «национал-либералов» своего времени – о том, как же стала возможна революция, нанесла ли она непоправимый удар по либерализму или стала лишь горьким, но полезным уроком для него, и также о том, какие выводы можно было бы сделать из этого урока в связи с будущим России, проистекающим из ее прошлого. С учетом колоссального многообразия мнений, позиций и гипотез, возникших в результате этих рассуждений, сосредоточимся на взглядах мыслителя, без которого общественно-политическая и идейная картина русской пореволюционной эмиграции едва ли представима – В.А.Маклакова, который революцию в России пережил, глубоко ее осмыслил и предложил

интереснейшее альтернативное прочтение этого сюжета. ««Разумею революцию как крушение существующей власти, создание на ее месте новой, преемственно с нею не связанной, созданной якобы непосредственной волей народа, а не только радикальную перемену «политики» в существующем строе, вызванную давлением населения», такое определение дал наш герой в книге «Мои воспоминания»⁴. Обратимся к его идеям по этому вопросу более детально.

5 Василий Алексеевич Маклаков – юрист, публицист, депутат первой Государственной Думы всех четырех созывов – был не просто свидетелем революции в России, но и одним из наиболее оригинальных, вдумчивых и объективных – что отнюдь не просто – ее аналитиков. Это свойство не изменило ему даже в самое смутное время, в дни Брестского мира, когда политическая карта Европы менялась с ранее невиданной скоростью и Россия в своем прежнем качестве прекратила свое существование. «Маклаков вспоминал это время с горечью и рассказывал о случаях, когда ему приходилось вступаться за русскую честь и указывать, что если: уж критиковать, а тем более, обвинять Россию, то надо бы лучше разбираться в происшедших событиях и знать, кто за них ответственен»⁵, отмечал биограф Маклакова, литератор Георгий Адамович.

6 Сам же Маклаков задолго до этого времени в мемуарах отмечал постепенное, но уверенное формирование реформистских, но еще не революционных настроений в среде студенческой молодежи, к которой сам принадлежал в 1890-е гг. Заочно отвечая на замечание В. М. Чернова, согласно которому «вокруг студента-юриста IV курса В. А. Маклакова, только что вернувшегося из-за границы, сплотился кружок, лелеявший идею о легализации студенческих землячеств. Идея принадлежала лично Маклакову... Покуда что явилось “легализаторское” течение в студенческой среде. Его сторонники говорили о необходимости — в особенности на время “кампаний” за узаконение студенческих организаций — воздерживаться от политических “выступлений”»⁶. «В этих словах, помимо фактических ошибок, есть доля правды, которая видна уже и из моих воспоминаний; только мою личную роль в этом течении Чернов преувеличил. Я вовсе не создал его; это настроение было общим настроением студенчества, соответствующим настроению русского общества, когда была покинута дорога либеральных реформ и раздавлена подпольная революция», поясняет Маклаков⁷.

7 Вопрос о соотношении либеральной теории, изначально зародившейся и оформившейся в Европе, и земской практики, аутентичной для России, принципиально важен в контексте размышлений Маклакова о том, что могло бы быть противопоставлено революции, были ли перед русским обществом начала XX века открыты некие альтернативные пути общего политического движения.

8 Будучи одним из самых видных представителей партии кадетов, В.А.Маклаков был, конечно, и последовательным либералом. Тому немало доказательств; либерала в своем лице Маклаков защищал, в частности, отвечая на критику лидера партии, П.А.Милюкова, раскритиковавшего книгу Маклакова «Из воспоминаний», которая впервые печаталась в эмигрантском журнале «Современные записки» в 1928 г. «П. Милюков нашел, что книга моя «вредна», что я «освободительное движение» ненавижу, с идеями «либерализма» борюсь и таким образом, по-видимому, перешел в стан прежних идейных *противников* [курсив автора – В.Ш.]»⁸, отмечает Маклаков, аттестуя подобную критику как «подмену понятий». При этом его отношение к либерализму как таковому – ничуть не романтизированное, практическое и именно потому критическое. «Идеи либерализма действительно теперь не в фаворе: сейчас отстаивают не «права человека», а «силу государственной власти»»⁹, констатирует Маклаков в предисловии к книге, опубликованной в 1930-х, когда политический ландшафт не только Советской России, но и большей части Европы был отчетливо антилиберальным. Однако,

подчеркивает Маклаков, не только как философ, но и как историк, «основания для такой общей смены идейных симпатий лежат вне русского прошлого... Либеральные идеи, как все на свете, имели оборотную сторону; диктатуры выросли там, где государства присущих либерализму недостатков преодолеть не сумели. Но я все-таки не только не отрицал этих идей, но находил, что даже если должно было бы признать, что эпоха личной свободы в мире окончилась, и вернулось время управления сверху, или что прогресс состоит в том, чтобы человеческое общество превратилось в улей или муравейник, в чем Муссолини, Сталин и Гитлер между собой солидарны, то и в том случае в России XX века для таких взглядов не было почвы. *Либерализм в России должен был победить* [курсив мой – В.Ш.], ибо боролся за то, что было ей нужно, за то, через что ей необходимо было пройти»¹⁰.

9 В самом деле, согласно свидетельству биографа Маклакова, Г.Адамовича, нагнетание тоталитарных тенденций в межвоенной Европе, «ужасало» философа¹¹. Однако это не был (вполне понятный и оправданный, впрочем) ужас обывателя перед неизвестным и/или зловещим; «отталкивание его от бесчеловечности и беспощадности тоталитарных идеологий было сложнее, менее прямолинейно, чем у большинства современников», поясняет Адамович. «Он без колебаний называл зло злом, но границу между злом и благом проводил не совсем там, где обычно видят ее другие наши политические деятели. И т.д. - он задумался: в чем должно состоять лечение, есть ли надежда на благополучный исход?»¹²...

10 Размышляя о той эволюции, которая произошла в умах русских либералов по мере того, как революция перестала быть просто образом или призрачной вероятностью, но стала реальностью, в которой самим либералам места уже не было, Маклаков обращается к истории, точки бифуркации и развилки которой могли бы дать подсказки относительно возможных или, по крайней мере, вероятных сценариев дальнейшего движения по линиям идейных консенсусов и принятий политических решений: «...когда я наше прошлое стал вспоминать, я искал в нем ответа на то, что для меня было главным вопросом: почему получилось, что те, кто в Освободительном движении победили и привели Россию к конституционному строю, тем самым оказались сильнее и старого самодержавия, и революции, почему они потом победу свою проиграли?»¹³. Сама возможность этого вопроса, подчеркивает Маклаков, свидетельствует о его беспристрастном анализе: ведь он «не мог бы себе ставить такого вопроса, если бы был обязан отвечать на него исходя из кадетской непогрешимости и обвинять только тех, кто нас победил, за то, что они нас победили»¹⁴.

11 Интересно отметить и следующее. Если придерживаться версии Маклакова, складывается ощущение, что иные (может быть, менее критично настроенные или менее прозорливые) деятели кадетской партии в реальность будущей революции не очень-то верили; возможные альтернативы «самодержавие или...» лишь с малой степенью вероятности включали в себя именно революционный вариант развития событий, и это – также предмет критики со стороны Маклакова, который в своих опасениях признавался (также в мемуарах) с обезоруживающей искренностью: «Не хочу этим сказать, будто кадетские лидеры ее хотели и даже просто с нею мирились как с неизбежностью; но в отличие от меня они ее не боялись. Одни просто потому, что в ее возможность не верили; другие рассчитывали, что революцию можно было использовать против власти, а потом остановить в самом начале. А так как угроза революции могла заставить власть идти на уступки, то они эту карту продолжали играть, не отдавая себе отчета, что играют с огнем. Революционеров они продолжали считать не врагами конституционного строя, а «союзниками слева»»¹⁵, цитирует Маклаков лидера кадетов Милюкова. «У меня лично было другое отношение к революции. Я считал ее не только «несчастьем», но и очень реальной опасностью... Настоящая революция, как это случилось в 1917 г., могла оказаться для правового порядка не меньшей опасностью, а потому не меньшим врагом, чем самодержавие, которое само, хотя и против желаний, но уже ограничило себя

конституцией»¹⁶.

12 Негодование соратников по партии по поводу отсутствия всякого «пиетета», которое Маклаков выказывал в отношении русского либерализма столь же понятно, сколь объективна позиция мыслителя, рассуждавшего не только как либерал, но и как государственный, что отнюдь не противоречит, а, скорее, и взаимно предполагает друг друга (то же, кстати, можно сказать и о других либералах-государственниках – Чичерине, Струве, Кавелине, Градовском и др.). В преддверии революции, полагал Маклаков, «у либерализма не было самостоятельной силы. Она еще была у исторической власти, которая тогда готова была идти на уступки; при соглашении ее и либеральной общественности можно было идти путем эволюции и в союзе с исторической властью Великие реформы продолжать и закончить»¹⁷.

13 Здесь хотелось бы обратиться к одно из наиболее выразительных метафор, предложенных В.А.Маклаковым для описания конфликта в российском обществе накануне революции – конфликта власти и народа, апологетов реформистского и революционного подходов к пониманию будущности России, защитников и противников парламентаризма и так далее – конфигурация сил отличалась исключительно сложным внутренним устройством и механизмами действия. В то время как власть продолжала свою борьбу с «либеральными течениями», отмечал Маклаков, то собственно либерализм «против нее счел себя вынужденным опираться на другую реальную силу, на «Ахеронт»; эта же дорога неизбежно вела к революции, или торжеству или разгрому ее, но в обоих случаях либерализм бы только проигрывал»¹⁸.

14 Ахеронт, мифический образ темной и грозной реки в подземном царстве Аида, по мысли Маклакова символизировал стихию народной воли и народного гнева (пусть даже и праведного), выпустив который на поверхность раз, уже никто не смог бы загнать его обратно, в глубину. Этот Ахеронт *de profundis* был немало романтизирован «революционерами-фанатиками», по определению Маклакова, в своей ипостаси юриста неоднократно защищавшего их в судах, но – в ипостаси либерала! конечно, никак не способного согласиться ни с идеями, ни с методами подобных деятелей. Маклаков – либерал-государственный, и его кредо – не противостояние власти и общества свободных граждан, но их органичный синтез в государстве. «Я верил, что власть не может держаться на одной организованной силе, если население по какой-то при чине ее не будет поддерживать. Если власть не сумеет иметь на своей стороне население, то ее сметет или заговор в ее же среде, или «Ахеронт»; но если «Ахеронт», к несчастью, выйдет наружу, то остановить его будет нельзя, пока он не дойдет до конца. И потому я во всякой революции, прежде всего для правового по рядка и для страны, видел несчастье» однозначная позиция мыслителя¹⁹. «В победоносном «Ахеронте» соединилось бы все, что было нетерпимо и в старом режиме: бесправие личности, произвол, презрение к законности и справедливости», заключает Маклаков, сославшись вдобавок на слова И.С.Аксакова: революция есть торжество «взбунтовавшихся рабов», а не царство «детей свободы»²⁰...

15 Однако и государство само по себе не является царством свободы просто по факту своего существования: для достижения гармоничного синтеза, очевидно, общество и власть должны иметь те связующие звенья, которые не исчерпываются исключительно нормами законодательства (пусть и прогрессивного), или институтами (пусть и демократическими, такими, как парламент, партии и т.д.). Позже, уже в эмиграции, по воспоминаниям Г.Адамовича, Маклаков высказал очень глубокую и совершенно актуальную (стоит взглянуть на сегодняшние исследования т.н. «культуры и политики памяти») мысль – о важнейшей роли национальной памяти и культуры, заключающихся, помимо всего прочего, в том, что в современных гуманитарных штудиях именуется практиками коммеморации. Речь идет о национальных праздниках – соотнесенных не с конкретным политическим режимом, а с

гражданскими ценностями общества.

16 Маклаков, отмечает Адамович, напоминал своим коллегам по эмигрантской деятельности, что в России «никогда не было национального праздника». «Были царские дни, но царские дни — совсем не то, и с каждым новым монархом дни эти менялись, что их временный характер подчеркивало. Потребность в таком празднике возникла в эмиграции, когда Россию мы потеряли, и она стала нам еще дороже, чем была. В других странах национальные праздники приурочиваются к памятным всему народу политическим событиям. У нас в прошлом такого события не было, и даже 19 февраля объединить русских людей не могло. «Мы можем мечтать и надеяться,— сказал Маклаков,— что в будущем события сложатся так, что создастся определенный день радостного перелома, день обновления и примирения, в котором все признают дату национального праздника». Явный намек на неизбежное, по тогдашним предположениям, падение большевиков...»²¹.

17 Формирование культуры общей памяти, то есть созидательного обращения в прошлое во имя совместного будущего как противопоставление радикальному обновленческому пафосу революции, порывающей с любой традицией – эта альтернатива даже в контексте событий дня сегодняшнего кажется исключительно продуктивной. Что скрывать, ведь и современное российское общество не может похвастаться особенной солидарностью в отношении не только собственной истории, но и национальных праздников (ежегодные социологические опросы накануне 4 ноября – одно из веских доказательств. Впрочем, возвращаясь к нашему сюжету – как сто лет назад, так и сейчас «русские люди объединяются в чествовании Пушкина. Но есть и другое, более глубокое основание для предпочтения имени литературного имени или событию политическому. Образ Пушкина, творчество Пушкина опровергают все сильнее распространяющееся «суеверие о всемогуществе государства»²²...

18 «В наше переходное время естественно вспомнить, что наряду с государственной формой, в которую сложился народ, есть совокупность свободного, без всякой принудительной силы, народного творчества, которое развивается по другим основаниям и которое мы называем культурой. При встрече с Пушкиным государство обнаруживает свое бессилие. Оно может убить Пушкина, но не может его создать. «В области культуры обнаруживается истинное назначение государства: создавать для народа условия, в которых может развиваться и процветать его свободная деятельность. Это очень много, но это и все»²³ эти слова В.А.Маклакова могли бы прозвучать и сегодня из уст какого-нибудь наделенного особым, почти по Аристотелю, даром предвидения деятеля – философа и политика²⁴.

19 В заключение этого небольшого текста, объем которого, конечно, не позволил нам охватить все многочисленные аспекты широкой темы размышлений В.А.Маклакова об альтернативах революции 1917 года, добавим следующее. Наш герой подлинный русский европеец, с молодых ногтей взрастивший в себе как подлинно либеральное, то есть самоочевидное, глубочайшее уважение к свободе личности и гражданским свободам, не отменяющее при этом критики собственно либерализма, а тем паче – либералов, так и рациональное, обоснованное неприятие революции как пути решения конфликтов в государстве и обществе, надеялся на то, что не только его современники, но и будущие поколения увидят «какие примеры нам нужно было брать у мирной Европы, а не только вздыхать по революции»²⁵.

Remarks:

1. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письмо четвертое. [Электронный ресурс] URL:[>>>>](#) Дата обращения: 29.06.2019

2. Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. – М.: Гардарики, 2001. С. 318

3. Там же. С. 319
4. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 318
5. Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик юрист, человек. [Электронный ресурс] URL: >>>> Дата обращения: 29.06.2019
6. Цит. по: Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 142-143
7. Там же.
8. Маклаков В.А. Первая Государственная Дума (воспоминания современника). Мюнхен, Русская библиотека, 1939. С. 1-2
9. Там же. С. 2
10. Там же.
11. Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик юрист, человек. [Электронный ресурс] URL: >>>> Дата обращения: 29.06.2019
12. Там же. Дата обращения: 29.06.2019
13. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 308
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 318
17. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 298
18. Там же.
19. Там же. С. 319
20. Там же.
21. Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик юрист, человек. [Электронный ресурс] URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/205342-3-georgiy-adamovich-vasiliy-alekseevich-maklakov-politik-yurist-chelovek.html#book> . Дата обращения: 05.07.2019
22. Речь о Пушкине на празднике русской культуры была произнесена В.А.Маклаковым в Париже в июне 1926 года. Цит. по: Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик юрист, человек. [Электронный ресурс] URL: >>>> Дата обращения: 05.07.2019
23. Там же.
24. Интересно, что Пушкин также является образцовым примером для другого выдающегося представителя русского либерализма – П.Б.Струве, выведшего его в своей концепции «личной годности» как символ активного, деятельного и творческого начала в русской культуре. Подробнее об этом см.: Кара-Мурза А.А. Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского Серебряного века / Россия в архитектуре глобального мира. Цивилизационное измерение. / Отв. редактор А.В.Смирнов. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. - 520 с.; Кара-Мурза А.А. «Концепция личной годности» П.Б.Струве: этапы развития // Политическая концептология № 2, 2014 г. С. 157-181; Струве П.Б. Дух и слово Пушкина // Вестник Пушкинского общества Америки. Вып. 3, декабрь 2016. С. 2-9
25. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 106

References:

1. Gercen A.I. Pis'ma iz Francii i Italii. [Elektronnyj resurs] URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/pisma-iz-francii-i-italii/pisma-iz-francii-i-italii.htm>
2. Adamovich G.V. Vasilij Alekseevich Maklakov. Politik yurist, chelovek. [Elektronnyj resurs]

URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/205342-georgiy-adamovich-vasiliy-alekseevich-maklakov-politik-yurist-chelovek.html#book>

3. Maklakov V.A. Iz vospominanij. Uroki zhizni. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2011. 384 s.
4. Maklakov V.A. Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroj Rossii: (Vospominaniya sovremennika): [V 3-h ch.]: Pril. k zhurn. "Illyustrirovannaya Rossiya" na 1936 g. / V. A. Maklakov. ? Parizh: ZHurn. "Il. Rossiya", 1936
5. Maklakov V.A. Pervaya Gosudarstvennaya Duma (vospominaniya sovremennika). Myunhen, Russkaya biblioteka, 1939. 252 s.
6. CHicherin B. H. Politicheskie mysliteli drevnego i novogo mira. M.: Gardariki, 2001. 336 s.
7. Kara-Murza A.A. Problema «samorazrusheniya civilizacii» v rabotah myslitelej russkogo Serebryanogo veka / Rossiya v arhitekture global'nogo mira. Civilizacionnoe izmerenie. / Otv. redaktor A.V.Smirnov. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury: Znak, 2015. - 520 s.
8. Kara-Murza A.A. «Konceptiya lichnoj godnosti» P.B.Struve: etapy razvitiya // Politicheskaya konceptologiya ¹ 2, 2014 g. S. 157-181
9. Struve P.B. Duh i slovo Pushkina // Vestnik Pushkinskogo obshchestva Ameriki. Vyp. 3, dekabr' 2016. S. 2-9

Вероятность, реальность и альтернативы революции в интерпретации В.А. Маклакова – либерала-государственника

Шарова Вероника Леонтьевна

Институт философии РАН

Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье анализируются некоторые аспекты взглядов юриста, политика и мыслителя В.А. Маклакова на природу и предпосылки революции в России. Делается предположение, что теория революции Маклакова может быть исследована под углом исторической альтернативистики, направления, предполагающего работу с альтернативными сценариями истории «неслучившимися», но принципиально важными для истории идей и политических сюжетов. Делается акцент на органичном синтезе либеральных и государственных начал в социально-политической философии Маклакова. Отдельно отмечается такой аспект его теории, как размышления о роли национальных праздников в становлении общей гражданской идентичности, что представляет особый интерес в контексте современных исследований исторической памяти и практик коммеморации.

Ключевые слова: история России, философия истории, революция, В.А.Маклаков, либерализм, русский либерализм, историческая альтернативистика

Дата публикации: 27.09.2019

Ссылка для цитирования:

Шарова В. Л. Вероятность, реальность и альтернативы революции в интерпретации В.А. Маклакова – либерала-государственника // Полилог/Polylogos. – 2019. – Т. 3. – № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110006554-1-1/> (дата обращения: 06.05.2021). DOI: 10.18254/S258770110006554-1